

Список литературы: 1. Большой Энциклопедический словарь. М., 2000. – с. 54. 2. Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. – С. 93–118. 3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3–4. 4. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000. – 336 с. 5. Пирогов С.В. Конспект лекций по курсу «Социология города». Томск, 2003, – 148 с. 6. Толстых В. И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. М., 1975. – 248 с.

*Коновалов С.В., Шкубуляни Е.С.
г. Харьков, Украина*

УКРАИНСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАНТИЗМ И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Несомненно, из всех украинских дефицитов главный сегодня – дефицит ответственности. Все проблемы нашей страны, в конечном счете, упираются в него. Надо честно признать, что как те, кто претендует на статус элиты, так и рядовые граждане в значительной своей части рассматривают Украину *исключительно* с точки зрения благ, которые они хотели бы от нее получить, отказываясь при этом принять на себя соответствующую долю ответственности за нее, ее настоящее и будущее.

Истоки такого положения дел следует искать, прежде всего, в том, что все двадцать три года своего существования Украина живет в условиях разложения советской модели модернистского общества. Поскольку этот негативный тренд преодолеть не удастся, сохраняется угроза вместе с советской моделью ликвидировать сам модернистский тип общества. Сказанное напрямую касается сферы социальных установок и ценностей. Так, от советского прошлого с его социальным государством в украинском обществе бессознательно была унаследована убежденность в праве граждан на определенные социальные блага и гарантии. Однако, поскольку тот паритет прав и ответственности, который был присущ модернистскому сознанию в прошлом, оказался разрушенным, упомянутая убежденность остается совершенно неподкрепленной осознанием необходимой меры ответственности. Более того, так как украинское общество, по меньшей мере, последние пятнадцать лет находилось в состоянии острой внутренней, социально-политической борьбы, в которой каждая из сторон прибегала к манипулированию социальными ожиданиями граждан, данный дисбаланс все это время неуклонно нарастал. В итоге к насто-

ящему моменту, дефицит социальной ответственности в украинском обществе достиг катастрофических масштабов, что в полном соответствии с законами диалектики грозит столь же катастрофическим сужением базовых прав и социальных возможностей граждан.

В силу вышеназванных обстоятельств именно украинское сознание в наибольшей степени (в сравнении с другими постсоветскими обществами) сохранило характеристики, которые были свойственны советскому сознанию эпохи перестройки, а именно – склонность к нереалистическому, иллюзорному взгляду на вещи. В массе украинцев до сих пор сохранилась та самая вера, которой порождены почти все проблемы в жизни постсоветских обществ, – «вера в экономическую реформу за пятьсот дней, транш от МВФ, которого хватит, чтобы всех накормить, а на сдачу репродуцировать убыточные предприятия; вера в добрый и бескорыстный Запад» и т. п. [1]. Иными словами, в Украине сложилась такая социально-политическая ситуация, благодаря которой перестроечное сознание оказалось законсервированным, что в сочетании с особенностями менталитета, присущего украинскому этносу (традиционным романтизмом украинского селянства), определило появление особого социального феномена. Применительно к Украине есть все основания говорить о наличии некоего стойкого духовного (ментального) образования, которое можно определить как *украинский социальный романтизм*.

Как определяют словари, социальный романтизм есть ориентация на «достижение некоего (абстрактного) социального идеала, подчинение социальной жизни возвышенным целям, как правило, далеким от реальных утилитарных потребностей функционирования социальной системы, развития государства и общества» [2]. Сегодня ни для кого не секрет, что социальный романтизм неизбежно терпит крушение при столкновении с реальностью, что на смену социальным романтикам приходят в лучшем случае прагматики, а в более распространенном худшем случае – циники, что люди, отдавшие дань возвышенным романтическим настроениям, после их спада, испытывают жестокое разочарование, зачастую переходящее в социальную апатию. Однако факт остается фактом – социальный романтизм является характерной особенностью, присущей сознанию критической массы украинских граждан, что делает его действенным фактором социально-политической жизни в стране. Как уже говорилось, в Украине сформировался порочный круг взаимной безответственности элиты и граждан – и те, и другие в равной мере являются заложниками ситуации, при которой маховик социальной безответственности в стране раскручивается все больше и больше, что создает угрозу самому существованию украинского общества.

Конечно, социальный романтизм – явление неоднозначное. Характеризуя его, нельзя не сказать о его сильной стороне – о свойственном ему (в основном тренде) *социальном пафосе* защиты «униженной и оскорбленной» человечности, ее прав и свобод, пафосе восстановления попорченной социальной справедливости и т.п. Именно этот пафос придает социальному романтизму силу и энергию, свидетельствуя о наличии в нем подлинно живого, так называемого пассионарного, начала. И именно этот пафос делает феномен социального романтизма привлекательным в глазах тех, кто для реализации своих целей хотел бы задействовать коллективную энергию. Ведь, как известно, ни один большой социальный проект не обходился без активизации романтических настроений в массах.

Вдохновенность, тяга к переживанию возвышенных состояний – необходимый аспект романтического настроения. Поэтому романтизм вообще (литературный, философский) всегда предполагает акцент на чувстве, эмоционально-чувственной природе человеческого существа в противовес сухому, безжизненному, рациональному прагматизму. Он представляет собой одну из форм, в которых в современном человеке христианской культуры пробивается естественная, так называемая *дионисийская* стихия жизни. Кстати говоря, многие современные западные общества изрядно поистратили свой энергетический потенциал, что сегодня стало одной из главных проблем не только самих этих обществ, но и всего мира в целом, поскольку с неизбежностью компенсируется взрывом негативной пассионарности в незападных, нехристианских обществах. Более того, некоторые философы даже утверждают, что цивилизованный мир навязывает другим народам свой образ жизни из зависти к сохранившемуся в них чувству жизни [3].

Однако заряженность общества стихийным романтизмом свидетельствует также о том, что его социальная энергия не канализирована в созидательное русло, что она находится в подавленном состоянии и настоятельно требует выхода. Такая взрывоопасная ситуация может складываться среди прочего в том случае, когда властная элита руководствуется исключительно прагматическими соображениями, узкорациональными категориями экономической выгоды и пользы, игнорируя значимость чувственного переживания самого по себе, не апеллируя к чувственной стороне человеческой природы. У каждого конкретного общества, в зависимости от его особенностей, имеется своя мера прагматизма, которую оно в состоянии воспринять. В силу большой склонности украинцев к социальному романтизму, в украинском обществе, во всяком случае, для значительной его части, эта мера невелика. «Романтическое» сознание украинцев просто глухо к чисто рациональным ар-

гументам, оставаясь закрытым, если не задействована его чувственная сторона. И, наоборот, оно удивительно восприимчиво к псевдо рациональным доводам при условии, что они входят в резонанс с присущей ему настроенностью чувств.

Т.е. поразительные *простодушие* и *благодарные*, которые свойственны украинскому «романтическому» сознанию, конечно, нуждаются в объяснении. Не вдаваясь в подробности философско-психологического описания и анализа, отметим следующее. В «романтическом» сознании, поскольку оно является чувственным, все – восприятие, мышление, воля, подчинены чувственному, а, значит, откровенно субъективному желанию. Человек, обладающий таким сознанием, видит и допускает в его «светлое поле» только то, что соответствует структуре, или схеме своего желания. Он, по сути, не воспринимает реальность, а абстрагирует, представляет ее, подверстывая под желаемое. Он видит реальность в свете своего частного субъективного желания, а не в свете ее возможной полноты и совершенства (т.е. идеи). Это означает, что процесс идеализации, без которого совершенно невозможна деятельность человека по преобразованию реальности (в соответствии с внутренне присущими ей тенденциями развития), искажается ограниченным субъективно-чувственным желанием, отклоняясь от должного направления. Но главное, на поверку оказывается, что сущностью такого желания является стремление не к изменению, преобразованию реальности, *а к уходу в иную реальность*, которая мнится как сопряженная исключительно с удовольствием и не требующая больше никаких усилий и страданий – в этом смысле «идеальная». Соответственно ум человека с «романтическим» сознанием легко попадает в плен упрощенных схем социальной и политической реальности – рациональных аналогов субъективистского желания, которые обычно строятся на абстрактных (и потому взаимно обратимых) противоположностях и подкрепляются наивным морализаторством. К тому же, его отличает непоколебимая убежденность в том, что желаемого можно достигимо одним актом, в обход долговременного напряжения и усилия. Эта убежденность выдает, пожалуй, главную слабость «романтического» сознания, а именно – неспособность к долговременному напряжению и усилию, соразмерному действительной трансформации общества, действительному его развитию.

Присущие социальному романтизму перевес субъективного желания над реальностью и как следствие неоправданные ожидания, объясняются, таким образом, тем, что на самом деле это желание является слишком слабым, инфантильным, а вместе с ним слабым и инфантильным оказывается все сознание в целом. В этой связи необходимо подчеркнуть,

что склонность к социальному романтизму свидетельствует не об извращении социального сознания, а о недостатке его роста, развития. Именно поэтому в его случае всегда имеет место проблема, куда будет направлена и куда выплеснется присущая ему живая сила, в созидание или разрушение.

Какова бы ни была непосредственная мотивация перехвата позитивной энергии социального романтизма и направления его в негативное, разрушительное русло, ставка в этом случае всегда делается на его слабые, уязвимые стороны. Всячески разжигая эгоистические желания и неоправданные ожидания, предлагая все более примитивные схемы восприятия и осознания действительности, искусственным образом усиливают инфантильность сознания. В результате недостаток роста, зрелости сознания превращается в его извращенность, а недостаток ответственности – в полный отказ от нее. Именно такого рода превращение происходит, когда, например, идея Европы из символа развития низводится до некоей совокупности готовых ценностей и потребительских благ, на пользование которыми украинцы якобы имеют каное-то особое привилегированное право. Очевидно, что романтизированный, далекий от реальности, взгляд на Европу и «европейские перспективы» Украины своей обратной стороной имеет стремление сбросить с себя всякую ответственность за страну, нежелание разделить ее судьбу. Не секрет, что многие, кто придерживается такого взгляда, рассматривают Украину только в качестве трамплина для прыжка в иную, европейскую реальность: их романтизм основывается на самом циничном, хотя и совершенно недальновидном расчете.

Существует еще один способ, которым украинский социальный романтизм трансформируется в одну из форм извращенного сознания. Так, свойственный ему пафос справедливости намеренно канализируется в злобную мстительность, и его собственная внутренняя установка искусственно подменяется рессентиментной, базирующейся на совершенно чуждом социальному романтизму негативизме чувств и оценок. Позитивная настроенность, живое здоровое воодушевление сначала искусственно сцепляется с негативным желанием отомстить, а затем незаметно и вовсе подменяется и вытесняется этим желанием с сопутствующим ему комплексом зависти, ненависти, злобы и т.п. Такого рода сцепку и подмену тем легче осуществить, что, с одной стороны, в украинском обществе в силу особенностей исторического развития накоплен большой потенциал рессентимента, а, с другой стороны, неосуществимость социально-романтических ожиданий порождает в обществе неизбежное разочарование и столь же неизбежный поиск виновных. – тех, кому следует отомстить за свою собственную несостоятельность. Мы видим, что и в этом случае социаль-

ный романтизм оборачивается своей противоположностью – он становится почвой для радикализма, окрашенного в самые мрачные тона. В свое время Фридрихом Ницше, первооткрывателем и главным исследователем феномена ressentiment, было установлено, что безответственность – за себя, за мир в целом, принадлежит самой сущности ressentiment. Неудивительно поэтому, что украинский социальный романтизм – в том случае, когда его удастся подсоединить к ressentimentному источнику, превращается в форму социально-безответственного, социально-разрушительного сознания.

Подводя итог, следует сказать, что социальный романтизм может рассматриваться, на наш взгляд, как устойчивая характеристика современного украинского массового сознания, которая требует тщательного анализа и учета. Игнорирование этого феномена, а тем более, использование для достижения сиюминутных, узкокорыстных политических целей является недопустимым, ибо в обоих случаях он из ресурса развития украинского общества становится фактором, препятствующим такому развитию.

Список литературы: 1. О. Кашин. Советско-постсоветская война [Электронный ресурс] Режим доступа <http://svpressa.ru/politic/article/87555/>. 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://enc-dic.com/philosophy/Romantizm-Socialnyj-4297.html>. 3. Эмиль-Миель Чоран. Портрет цивилизованного человека //Апокалипсис смысла. – М.: Алгоритм, 2007.– с. 46

*Ляшенко Н.А.
г. Харьков, Украина*

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Словарь русского языка С.И. Ожегова трактует понятие «ответственность» как необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, в силу возложенных прав и обязанностей. Социальная ответственность подразумевает сознательное отношение субъекта социальной деятельности к требованиям социальной необходимости, гражданского долга, социальных задач, норм и ценностей, понимание последствий осуществляемой деятельности для определенных социальных групп и организаций [1]. Социальные взаимодействия людей напрямую связаны с совокупностями их социальных статусов и ролей и с выполнением связанных с ними прав и обязанностей, с